

Л.А. САБУРОВА

В поисках идеологий или в их капкане? (Размышления над новой книгой)

Статья посвящена анализу книги “Россия в поисках идеологий”. Описывая общую логику и основные идеи книги, автор заостряет внимание на ключевых проблемах, затронутых в монографии, и на дискуссионных вопросах, требующих дальнейшего изучения и обсуждения. В центре размышлений — эволюция идеологий в политическом проекте Модерна, поиски в его рамках морального и конституционального консенсуса и место идеологий современной России в этом процессе.

Ключевые слова: идеологии Модерна, реидеологизация, ценностные регуляторы, консенсус, глобализация, политические риски и возможности.

Проблема идеологизации/реидеологизации, ставшая темой коллективной монографии “Россия в поисках идеологий: трансформация ценностных регуляторов современных обществ” [Россия... 2016]¹, выступает чуть ли не главным фактором внутри политической напряженности, фактором, скорее, разъединяющим, чем *собирающим* общество, в том числе — культурную элиту. В среде интеллектуалов сегодня одинаково громко звучат как призывы пересмотреть Конституцию РФ в отношении статьи 13, устанавливающей идеологический плюрализм и запрет на государственную идеологию, так и обратные по вектору идеи — остановить эскалацию реидеологизации и идеологического давления на общество. И в этих дискуссиях ощущается явный дефицит серьезной научной рефлексии. По некоторым ощущениям, интеллектуальное сообщество сегодня настолько отдалилось по умонастроениям от *народа* (хотя это и не ново для российской истории), что эта дистанция начинает негативно сказываться на самом научном сообществе, профессионально связанном с общественной и политической проблематикой, постепенно превращая одну часть этого сообщества в обслуживающий элиту клан, а другую — в *лишних людей*, производящих неуместные, непопулярные и даже (по некоторым определениям) *враждебные* идеи.

С одной стороны, название книги отсылает к глубоким традициям отечественной общественной мысли с ее поисками *Пути* и *Предназначения*. С другой стороны, содержание книги обнаруживает выход далеко за пределы тематики *своего пути*, а скорее, напротив — раскрывает суть идеологических российских поисков и тупиков в широком глобальном и историческом контексте, показывает схожесть идеологических кризисов в мире глобального Модерна. Один из важнейших для понимания и общей логики книги, и ее выводов — методологический посыл, утверждающий, что базовые

¹ Далее цитаты из монографии даются в круглых скобках.

ценности, легитимирующие политический порядок того или иного государства, обнаруживаются за рамками национальных ценностей и идеологий, все больше стремятся к универсализации.

С этим посылом трудно не согласиться. Но ценным и важным представляется тот логический путь, который этот посыл разворачивает, а именно — переход от общетеоретических вопросов форматирования и переформатирования идеологических консенсусов позднего Модерна к анализу процессов проявления и преломления этих трансформаций в российском политическом и культурном пространстве.

В этом смысле наиболее концептуально насыщенным выглядит первый раздел монографии “Глобальный Модерн в поисках морального и институционального консенсуса”, посвященный анализу места и роли идеологий в системе глобального Модерна. Рассмотрение политических идеологий в качестве фактора достижения общественного согласия не вызывает сомнений. Интересно, что это *согласие*, обозначенное в книге как *идеологический консенсус*, возможно, таковым не является и, более того, его никогда не был. Возможно, в данном контексте под *консенсусом* подразумевается тот или иной тип *баланса* разновекторных идеологий, устанавливаемый под влиянием балансов геополитических. Соответственно, и кризис этого консенсуса, анализируемый в книге, выступает лишь видимым проявлением смещения балансов политических. Как бы то ни было, значимыми для понимания глобальных тенденций выступают выводы о росте влияния внеэкономических систем регуляции в эпоху позднего Модерна, о росте актуальности концепций социального капитала, о все большей универсализации эгалитарных принципов справедливости, росте ориентаций граждан на постматериальные ценности и т.д. Важным и вполне обоснованным выглядит тезис о том, что важнейшим ресурсом самообновления Модерна сегодня становится межличностное и институциональное доверие.

Особое внимание в анализе основных идеологий Модерна уделяется консерватизму, либерализму и социализму как идеологиям, сформировавшим классический для капитализма моральный консенсус. И здесь же демонстрируется исчерпанность этих идеологий в связи со стремительной деградацией политических порядков, основанных на традиционных политических институтах в рамках национально-территориальных общностей.

Второй раздел книги “Эволюция идеологий в политическом проекте Модерна” представляет собой углубленный анализ самого концепта *идеология* и способов оперирования с ним. В контексте вопросов, заявленных в книге изначально, этот анализ представляется избыточным, за исключением попытки проанализировать связь российского политического и морального климата с эволюцией *глобального консенсуса*. Вопросы о приемлемости тех или иных векторов трансформации этого консенсуса в российском контексте в данном разделе начинают приобретать конкретное воплощение. В частности, в качестве предпочтительного вектора как глобального, так и российского развития предлагается парадигма коммунизма.

Таким образом, первые два раздела становятся методологическим и теоретическим обоснованием размышлений, представленных в третьем разделе книги — “Идеологии в современной России: адаптация/изменение глобального Модерна или свой путь?”. В силу остроты и эмпирической близости тематики заключительный раздел радикально отличается от первых двух как методами обоснования выводов (в ней появляется анализ эмпирических данных, актуальных текстов, символов и событий), так и стилистикой изложения, что делает именно его особенно интересным для ознакомления не только специалистам — политологам и политическим философам, но и более широкому кругу читателей.

Судя по тому, что уже в начале третьего раздела обосновывается архетипическое сходство российской модернизации с глобальными переходами, становится очевидным, что для авторов монографии мифологема *особого пути* с самого начала отбрасывается как теоретически неприемлемая. Глубокие отличия российских модернизационных процессов от западных, определяемые известными особенностями

отечественной истории, не опровергают наличие общесоциологических закономерностей эволюции общества Модерна, а лишь проявляют его культурно-историческое многообразие. Не вызывает возражений описанный в работе спектр актуальных на сегодняшний день возможностей идеологической эволюции — от стратегий встраивания “в уютную сырьевую нишу периферийного Модерна” до амбициозных “стремлений изменить положение страны в иерархии капиталистической миросистемы, или даже трансформации всей миросистемы” (с. 176). Именно в этой главе обосновывается ключевой для понимания заявленной проблематики вывод об *еще не упущенных для России возможностях развития и обретения своего достойного места в глобальном мире*. Заключение, которое, на мой взгляд, наиболее дискуссионно, поскольку, как последующие выводы авторов, так и вполне наблюдаемый вектор политического развития наталкивают на прямо противоположные мысли о том, что основная миссия России в глобальном мире — показывать миру, *куда не надо двигаться*, выступая наглядной иллюстрацией исторических тупиков.

Именно в третьем, заключительном разделе происходит анализ того, насколько вероятно использование оптимистически обозначенного исторического шанса в нынешнем политическом и культурном российском контексте, что, на мой взгляд, и представляет главную научную интригу книги. Собственно, именно в этой части анализируется, что происходит сейчас с идеологиями в России. Например, осуществляется оригинальная теоретическая интерпретация идеологемы *духовных скреп* (с. 188–199), которые, по мнению авторов, являются метафорой понятия социального капитала, поскольку именно дефицит социального капитала создает потребность в поиске некоей новой *духовности*. И очевидно, что, за неимением очевидных обоснований этой духовности в образах будущего, возникает соблазн трактовать метафору *духовных скреп* через образы прошлого, через возврат к морали и культурным образцам традиционного общества, что, безусловно, невозможно в силу объективных причин.

В связи с этим авторы вполне обоснованно предупреждают об опасности такого вектора идеологического поворота: “...разговоры о духовности не приведут к воссозданию традиционного общества, которое могло бы дать социальный капитал для развития капитализма. Зато они могут привести и уже приводят к обреченным на провал попыткам навязать некие *духовные скрепы* принуждением” (с. 199). Таким образом, в книге обозначается один из идеологических *тупиков* (хочется назвать это *идеологическим капканом*), в которые заводит нынешний *поиск идеологий*.

Еще один *капкан* можно усмотреть в анализе релевантности концептов *неофеодализм* и *неопатрионализм* российскому политическому, экономическому и социальному укладу. Авторы констатируют наличие *риска* мифологизации метафор, отсылающих к феодальным порядкам и превращения их в *самореализующееся пророчество*, которому может помешать лишь осознанная рационализация этих метафор. В связи с этим особое внимание уделяется еще одному мифологическому пласту современной российской культуры — пласту, связанному с *советским прошлым*.

В эволюции оценок этого прошлого при всем многообразии эмоциональной окраски — от ностальгии и идеализации до отвращения и игнорирования — авторы усматривают некий инвариант, состоящий в отказе от объективного и рационального осмысления на публичном уровне. Универсальность манипулирования понятием *советское* в самых разных контекстах, включая противоположные, превращают, по меткому заключению авторов, это понятие в метафору вневременных, вечных “черт русской государственности: имперскости, великодержавности” (с. 215), что опять же чревато потерей рациональных оснований для формирования смыслов будущего, *застреванием* в ценностном вакууме.

Трудно не согласиться, что ориентация на *государственность*, а в последние годы — на *имперскость* и *национальное самосознание*, конструируют тип общественного сознания, консервирующего геополитические иллюзии, милитаризм и изоляционизм, что, безусловно, работает на легитимацию политического режима, но уменьшает, по мнению авторов, модернизационные шансы России (с. 263). И это — уже третий

идеологический *капкан*, описываемый в книге, который конструируется самим процессом *поиска идеологий*.

Авторы в тексте не используют такие определения идеологической ситуации в современной России, как *тупики* или *капканы*. Однако практически весь материал последнего раздела можно прочитывать как обоснование и/или подтверждение именно этих диагнозов. Например, в главе “Пессимизм: символические логики места и времени” (с. 282–295) предпринимается интересная попытка проиллюстрировать бесперспективность нового (*антимодерного*) консенсуса, с точки зрения его обреченности на проигрыш, симптомами которого являются пессимизм, отрицание реальности в угоду мифам и симуляциям: “...несовпадение логик пропаганды, возвеличивающей пространство/место, и повседневного, убогого бытия пространства/места дезавуирует пространство/место. Великое, сталкиваясь с мелкой повседневностью в конкретном месте и в конкретное время, всегда проигрывает повседневности, становится симулякром и порождает пессимизм...” (с. 295). Глава “Идеология будущего в зеркале российской политической фантастики” (с. 296–309) служит иллюстрацией к уже сформулированным диагнозам относительно новой имперской мифологии и новому традиционализму. Иллюстрацией яркой и остроумной, опирающейся на подробный анализ трендов массовой культуры, воплощенных в фантастической литературе последних лет. Еще одной иллюстрацией *капканов*, выстроенных в результате “заигрывания с этнонационализмом и со словом *русский*”, выступает анализ драматических внешнеполитических событий последних лет — конфликт на территории Юго-Восточной Украины.

В этой связи важно напомнить, что изначальная цель монографии, имплицитно присутствующая в названии, — изучить возможности идеологического обеспечения дальнейшего развития страны. Она достигается наиболее теоретически адекватным способом — через анализ глобальных идеологических трансформаций. Важно также ясное осознание того, что в ситуации усложняющегося глобального мира поиск неких уникальных, *собственных* рецептов и путей развития выглядит такой же утопией, как и механический некритический перенос *западных* идеологий на отечественную почву.

Авторы, не предлагая готовых рецептов, создают не только убедительную картину всего спектра идеологических тупиков и возможностей глобального Модерна, но и обосновывают наличие у России *беспрецедентного шанса формирования идеологической повестки нового типа*, способной вынести этические ценности эгалитаризма в фокус дальнейшего глобального развития. Хотя предпринятый в работе анализ актуальных российских идеологических *метаний* показывает, что вероятность использовать этот шанс на сегодня стремится к нулю, сама постановка вопроса об альтернативах выглядит и обоснованной, и весьма своевременной.

Несколько мешают осмыслить и оценить обозначенный исторический шанс некоторые сознательные или бессознательные умолчания, допускаемые авторами. С одной стороны, монография настолько многослойна и многоаспектна, что каждый из слоев текста и его аспектов может выступать предметом специального анализа и отдельных монографий. С другой стороны, в ней не рассматриваются такие концептуально важные вопросы, как субъектность в сфере поиска и/или конструирования идеологий. И именно эти умолчания создают обширное поле для дальнейших рефлексий.

В тексте книги имплицитно субъектность приписывается то политической элите, то элите интеллектуальной. Однако и сама методология исследования (во многих главах — отчетливо постмодернистская), и способ изложения материала (довольно *мозаичный* от раздела к разделу) позволяют также предположить, что идеологию, на самом деле, никто не ищет, а напротив — *идеология находит субъектов политического действия или субъектов политической рефлексии в сам момент коллективного политического действия или рефлексии*. То есть в каком-то смысле авторы монографии наделяют сами идеологии самостоятельной субъектностью, в поле влияния которой вынужденно попадают социальные акторы. В этом смысле вынесенное в название понятие *поиск идеологий* также оказывается лишь метафорой, за которой прячутся

множественные процессы самоосознания и самоопределения разных по генезису социальных обществ и политических сил.

Особенностью работы, которая может оцениваться как преимущество, но может — и как недостаток, является некоторая *неровность* стиля рассуждения и манеры подачи материала. Первые два раздела, сами по себе весьма содержательные и интересные, выглядят в некоторых аспектах теоретически избыточными по отношению к главным мыслям третьего раздела и даже могут препятствовать коммуникации с читателем. Обстоятельные, логически выстроенные тексты оставляют впечатление академической *стерильности* и, в некоторых случаях, схоластической перегруженности. Они могут быть очень полезны читателям, впервые приступившим к изучению идеологий вообще и политических идеологий в частности, — студентам и аспирантам. Но умозрительность некоторых теоретических конструкций, таких как “модальности политического мышления” или “структурно-функциональная модель анализа идеологий”, не позволяет применить их к последующему анализу идеологических эволюций российского политического сознания.

И напротив, в некоторых главах третьего раздела, опирающихся в той или иной степени на эмпирический материал, ощущается некоторая методологическая недостаточность, которая может восприниматься как подгонка фактов под идеи. Например, в великолепной по теоретической цельности главе “Пессимизм: символические логики места и времени” (с. 283–295), после изящного историко-философского экскурса, доказывающего имманентное присутствие пессимизма в саморефлексии Модерна, анализируются только те современные российские дискурсы, которые доказывают именно пессимистическую окраску российского мировосприятия. Опытному социологу это может показаться странным, ибо в ответ можно привести множество фактов, тех же нарративов, которые проявляют обратную тенденцию. Так, для доказательства оптимистической окраски идеологического фона можно проанализировать символические смыслы оценок времени через призму достаточно распространенных нарративов в духе “жить стало лучше”, не говоря уже о нарративах в тематике “вставания с колен”, а смыслы оценок пространства — через отрицание преимуществ иных пространств и подчеркнутое их принижение.

В этом смысле книга интересна в качестве предмета специального исследования на тему связи его субъективной (социальной и политической) позиции с логикой и результатами анализа. Это относится не только к упомянутой главе, а ко всему тексту монографии. Субъективизм позиции, который то скрывается, то раскрывается, просвечивает даже в академических по стилю и содержанию разделах. Например, в главе “Новейший либеральный консенсус: дрейф от неолиберализма к коммунитаризму” (с. 158–174) при внимательном прочтении можно уловить некоторые подмены. Например, явно симпатизируя идеологии коммунитаризма, авторы игнорируют свои собственные замечания по поводу того, что коммунитаризм “не создает вектора”, “не дает масштабных обещаний”, а лишь “создает правила” для формирования проектов, постоянно сравнивая этого “претендента на роль метаидеологии” со “спутниками либерализма с маленькой буквы”. Причем сравнивают таким образом, что они выглядят конкурентами, соперничающими на равных основаниях, в качестве *политических идеологий*.

Очевидно, что без функции политического целеполагания коммунитаризму отводится роль лишь некоего морального регулятора. Но моральная регуляция не может конкурировать с политическими идеологиями, поскольку может органично сочетаться с любой идеологией. И тем не менее, авторы рекомендуют российскому обществу именно *прививку коммунитаризма*, прекрасно осознавая, что, во-первых, в рамках сложившегося политического порядка это практически невозможно в силу экономической и политической незаинтересованности элит в *левом повороте*, о чем неоднократно упоминается. Во-вторых, даже гипотетическое допущение такой *прививки* обществу, легко описываемому через метафору *неофеодализма* (с. 207–213), со всеми его дефицитами, анализируемыми в монографии (социального капитала, социального

доверия, *открытости* и *участия*), может привести не к усилению позиции в выработке новых консенсусов на глобальном уровне, а к еще большей закрытости и *окопности* сознания большинства россиян.

Подкупают в работе обоснованные и честные диагнозы как российскому, так и глобальному мироустроению, формулируемые в классических традициях научного объективизма. Например, утверждается, что идеологические поиски последних десятилетий “непоследовательны”, “сшиты в лоскутное прагматически-популистское одеяло”, что в российском случае они оборачиваются “долгосрочным стратегическим проигрышем, который чреват как внешнеполитическим ослаблением, так и неустойчивостью к внутренним трансформациям и потрясениям” (с. 330). Заслуживает пристального внимания диагноз о том, что “глубокая причина невозможности выйти из тенет традиционного общества и перейти к современным формам жизни, к развитию, заключается в нехватке веры общества в возможность иного и практической воли изменить строй мыслей (культуру) и строй социальной жизни” (с. 257).

Более того, к концу заключительной главы мы понимаем, что *поиски идеологий*, в общем-то, можно считать завершенными. Авторы беспристрастно описывают ту реальность, которую мы имеем: “...после 2012 г. был взят курс на консервацию социально-политического порядка и режима власти, на ограничение доступа во власть и элиту, на ликвидацию политической конкуренции, на архаизацию властных отношений. Даже риторика модернизации исчезла из публичной сферы. Право на доминирование в ней получили продукты целенаправленно сконструированной политической мифологии и идеологии, представлявшие идеи великодержавного превосходства, милитаризма, имперского национализма, традиционализма, православия, советского консерватизма и т.п.” (с. 263).

Следует ли воспринимать это описание как итог работы, анализирующей *поиск идеологий*? Логично было бы сделать именно такой вывод, ибо получается, что идеология уже найдена. Более того, она выглядит вполне официальной, и у нее есть все шансы занять место государственной. И прогнозируя развитие ситуации, можно предположить, что этот шаг по официальному закреплению идеологии *великодержавного превосходства* будет вполне одобрен большинством российских граждан, что как раз и воплотит тот самый *общественный консенсус*, о котором неоднократно упоминается в монографии как об основном моральном и политическом регуляторе жизни граждан.

Но оказывается, что это далеко не так. Для авторов монографии точка в *поисках идеологий* все же не поставлена. Очень понятное по-человечески их нежелание смириться с таким положением вещей, которое ставит барьеры дальнейшей модернизации страны и ее интеграции в глобальный мир *открытого доступа*, подталкивает их к поискам альтернатив и даже утопий: “...российское общество может консолидироваться и занять достойные позиции в мирополитике Модерна, лишь вернув себе социально-политические утопии, позволяющие возратить в политику трансцендентное измерение и ставить цели более широкие, чем соответствующие текущим интересам территориальных политических элит” (с. 187). И источник оптимизма парадоксальным образом видится в той же точке, которая порождает пессимизм: “...когда глобальный интеллектуальный и институциональный мейнстрим оказывается в кризисе, *отсталость* от него может стать преимуществом при поиске альтернатив. Свет универсальных ценностей сегодня уже не приходит ни с Востока, ни с Запада; напротив, теперь мы сами должны идти к нему” (с. 331).

Таким образом, читатель, после того, как убедился, что *поиск идеологий* уже практически завершен и этот поиск завел во все *тупики* и *идеологические капканы*, которые вообще были теоретически возможны, вдруг снова оказывается в ситуации *открытого будущего*. В нем *вход в тупик* может одновременно служить и *точкой выхода*, что, собственно, есть имманентный признак любой самоорганизующейся системы, каковой, безусловно, является современный глобализирующийся социум.

В таких парадоксах, на мой взгляд, и состоит главная ценность книги. То, что авторы не отвечают на многие вопросы, а иногда противоречат друг другу, — хороший

повод для профессиональной, а возможно, и более широкой общественной дискуссии по поводу места и роли идеологий в нашем обществе. Подкупающая честность, отсутствие сервильности в позиции авторов оставляет надежду на возможность такой дискуссии и, соответственно, на возвращение общественно-политической субъектности научному сообществу. Поэтому, думаю, книга должна выступить определенным стимулом для поиска новых направлений анализа и исследовательских стратегий в этой области. Высокая теоретическая плотность текста, глубокое погружение в разные аспекты идеологических эволюций позволяет предполагать, что затронутые в монографии вопросы не останутся без внимания специалистов в области политической философии, политологии, социологии, культурологии и могут стать основой дальнейших исследований, в том числе — междисциплинарных.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Россия в поисках идеологий: трансформация ценностных регуляторов современных обществ (2016) Под ред. В.С. Мартыанова, Л.Г. Фишмана. М.: Политическая энциклопедия.

In search of ideologies or in their trap? (Reflections on a new book)

L. SABUROVA*

*Saburova Ludmila — candidate of philosophical sciences, docent, chief researcher at Udmurtdepartment of the Institute of Philosophy and Law Urals department RAS. Address: 426004, Izhevsk, Lomonosova, 4. E-mail: saburova@udm.ru

Abstract

The article is dedicated to the analysis of the book “Russia in search of an ideology”. It describes the general logic and main ideas of the book. The author emphasizes the key issues raised in monography, and disputable issues, which request further studies and discussions. The contemplation is focused on the evolution of ideologies in a political project of Modern and in its frames the search of moral and institutional consensus and modern Russia's place in this process.

Keywords: Modern ideologies, re-ideologization, value regulators, consensus, globalization, political risks and opportunities.

REFERENCES

Rossiya v poiskakh ideologii: transformatsiya tsennostnykh regulyatorov sovremennykh obshchestv (2016) [Russia in search of an ideology: transformation of value regulation of contemporary societies]. Ed. by Martyanov V.S., Fishman L.G. Moscow: Politicheskaya entsiklopediya.

© Л. Сабурова, 2018